

УДК 94(470) «16/18»

**ЗНАЧЕНИЕ И ХАРАКТЕР РОССИЙСКИХ РЕФОРМ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Ш.А. Гапуров,
Академия наук ЧР, Грозный

gapurov2011@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается цивилизаторская роль России на Северном Кавказе, показана роль реформ последней трети XIX в. в успокоении Кавказа, в проникновении и развитии здесь капиталистических отношений. Автор приходит к выводу, что насильственное насаждение капитализма ломало вековые устои жизни, вызывало народные протесты, а также, что у России была альтернатива при экономическом освоении и установлении административной власти на Северном Кавказе.

Abstract: The article shows the civilizing role of Russia in the North Caucasus, deals with the role of the reforms of the last third of the 19th century in appeasing the Caucasus, and in development of capitalist relations here. The author concludes that forced inculcation of capitalism broke the age-old foundations of life and caused popular protests, and that Russia had an alternative in the economic development and the establishment of administrative power in the North Caucasus.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, реформы, капитализм, альтернатива.

Keywords: Russia, North Caucasus, reforms, capitalism, alternative.

Цивилизаторская, преобразовательная роль России на Северном Кавказе, о которой очень много говорили и писали с начала XIX в., стала реально проявляться после окончания Кавказской войны, с последней трети XIX в. Российские реформы последней трети XIX в. оказали огромное влияние на горское общество, привели к относительному успокоению края. Но почему же российская власть не проводила подобные реформы раньше? Видимо, прежде всего потому, что сама Россия не была к ним готова. Ведь крепостное право в России было отменено лишь в 1861 г., расчистив поле для развития капиталистических отношений. Исторически сложилось так, что окончание Кавказской войны и отмена крепостного права в России хронологически почти совпали, создав тем самым нужные условия для проведения преобразований на Кавказе.

Если бы на тех северокавказских землях, на которых распространялись российская власть и влияние к концу XVIII – началу XIX в., российская администрация создала бы жизненные условия для горцев, значительно лучшие, чем на остальных территориях, если бы сравнение было бы в пользу «российских горцев», то вряд ли большая часть «немирных горцев» поднялась бы на антироссийскую борьбу. А если бы поднялась, то тогда можно было бы говорить о том, что они вели «несправедливую борьбу», можно было бы говорить о «горской экспансии». Но оснований для сравнения жизни населения на «российских» и «нероссийских» территориях российская власть не создала. В первой трети XIX в. дальше общих деклараций о «мирной, спокойной жизни» для горцев российская власть не продвинулась. В реальности же были карательные экспедиции и массовые репрессии. В результате получилась Кавказская война.

Российские реформы последней трети XIX в. на Северном Кавказе стали основой для развития здесь капиталистических отношений. Но процесс этот протекал здесь своеобразно, так же, как и в странах зарубежного Востока.

В крупных странах Востока, ставших колониями и полуколониями Англии и Франции (таких, как Индия, Китай, Турция, Иран), с последней трети XIX в. начинается развитие капиталистических отношений. Но этот, восточный, капитализм весьма и весьма отличался от европейского. Да, создавались промышленные предприятия, строились железные дороги, зарождались национальная буржуазия и национальный пролетариат. Капиталистические

отношения проникали в сельское хозяйство. Но при всем этом развитие капитализма носило деформированный характер. Деформированными, весьма своеобразными были и возникающие в восточных странах капиталистические отношения. Если в странах Европы развитие капиталистических отношений сопровождалось соответствующими изменениями в общественных отношениях, в психологии и сознании людей, то в странах Востока этого происходило очень мало и очень замедленно. Сознание, психология большинства жителей стран Азии и Африки, общественные отношения здесь еще очень долго оставались соответствующими феодальным, и даже патриархально-родовым отношениям. И главная, основная причина тут была в том, что капитализм, возникавший в странах Востока к концу XIX в., был здесь явлением искусственным, чужеродным. Он вырос не как результат естественного развития восточных стран (исключение – Япония; поэтому она сегодня – самая развитая страна Востока), а был искусственно привнесен извне, из стран Европы и его, этот европейский капитализм, колонизаторы пытались искусственно вырастить на совершенно еще не подготовленной афро-азиатской почве. Прогрессивен ли был капитализм в странах Востока? Безусловно. Но он ломал вековые устои жизни, он был чужд и непонятен подавляющему большинству населения Востока и потому отвергался ими. И, не менее важное, новые отношения, порождаемые капитализмом, ассоциировались у народов Востока с колонизаторами, потерей независимости. Все это порождало многочисленные народные протесты (достаточно указать на восстание ихэтуаней – боксерское восстание в Китае на рубеже XIX–XX вв., которое сопровождалось уничтожением железных дорог, телеграфных линий, промышленных предприятий).

Что-то подобное происходило в Чечне и в Дагестане в последней трети XIX в. Невозможно отрицать прогрессивность таких явлений, как создание Грозненского нефтепромышленного района, строительство железных и прочих дорог, развитие торговли и в целом втягивание Чечни в административно-экономическую систему России. Но все это сопровождалось ломкой вековых устоев традиционной жизни горцев, массовым их обезземеливанием, чиновничьим произволом, установлением грабительских налогов и повинностей, административной власти и административных регламентов. Все это было непонятно, чуждо и потому неприемлемо вчера еще свободному горцу. И потому он снова и снова восставал против ущемления своих прав, своей свободы, против изгнания его со своей земли.

Экономически осваивая присоединяемые северокавказские земли, перенося сюда уже существующие и развивающиеся в России капиталистические порядки, Россия в целом (конечно, со своими особенностями, со своими отступлениями от общих правил метрополии, с учетом многовековых связей России с горскими народами, с учетом их стремлений к добрососедским отношениям с русским народом) шла по тому же пути, по которым шли Англия и Франция в своих восточных колониях и полуколониях. Западноевропейские метрополии, пытаясь перенести капиталистические отношения в свои колонии, встречали в последней трети XIX – начале XX вв. стихийно возникавшее, плохо организованное, локальное (в отличие от таких массовых освободительных движений середины – второй половины XIX века, как Великое народное восстание в Индии в 1857–1859 гг., тайпинское восстание 1850–1864 гг. в Китае, махдистское восстание в Судане и др.) сопротивление части восточного населения. Та часть населения, которая была втянута в новые, капиталистические, отношения, и, прежде всего, жители городов, в этом сопротивлении уже не участвовали. И в этом плане происходившее в Чечне и в Дагестане в последней трети XIX в. имело ряд общих черт с событиями в крупнейших странах Востока в аналогичное время.

Была ли у России другая альтернатива при экономическом освоении и установлении административной власти на Северном Кавказе в последней трети XIX в.? Возможен ли был для России при этом другой путь?

Нам представляется, что да, альтернатива была. Учитывая многовековые (XVI – первая половина XVIII в.), в целом мирные, политико-экономические отношения народов Северного Кавказа и России, учитывая, что горцы оказали в первой половине XIX в. ожесточенное сопротивление установлению над ними жестко регламентированной административной власти, царское правительство могло бы применить здесь «финляндский вариант». Ведь, как известно, после присоединения Финляндии к России в начале XIX в. Александр I «даровал» финнам «Конституцию», согласно которой эта страна имела практически полную внутреннюю автономию. И в результате Финляндия была весьма спокойным регионом Российской империи. Ведь о чем-то подобном, о предоставлении Чечне особого статуса, особой «Конституции», которые даровали бы

чеченцам права автономии в рамках России, вел переговоры еще в конце 20-х гг. XIX в. кавказский наместник Паскевич с Бей-Булатом Таймиевым.

Но подобный путь в административно-экономическом освоении Северного Кавказа был бы длительным и потребовал бы больших усилий. Более перспективным и более эффективным российскому правительству показался путь «лобовой капиталистической атаки», который и был здесь осуществлен. Путь, которым в своих восточных колониях прошли со всеми вытекающими отсюда последствиями и западные метрополии. Если бы Россия пошла на Северном Кавказе по «финляндскому пути», может быть, горцы и не поддержали бы так массово большевиков в годы Гражданской войны, поверив в их обещания о свободе и земле?